

Помнится, при первом прочтении романа Булгакова “Мастер и Маргарита” я искренне хохотал над сценкой, описывающей, как Бегемот и Коровьев пытались попасть в ресторан “Дома Грибоедова”, у входа в который сидела “гражданка в белых носочках и белом же беретике с хвостиком”, потребовавшая у неразлучной парочки писательские удостоверения.

— *Прелесть моя... — начал нежно Коровьев.*

— *Я не прелесть, — перебила его гражданка.*

— *О, как это жалко, — разочарованно сказал Коровьев и продолжал: — Ну, что ж, если вам не угодно быть прелестью, что было бы весьма приятно, можете не быть ею...”*

Потом, много позже, читая уже не булгаковское “евангелие от Воланда”, а настоящее — от Матфея и других Апостолов, — я понял, что гражданка в белых носках является практически *единственным* персонажем романа, *не подпавшим под власть нечистой силы*. Ведь по Священному Писанию “прелесть” — это, во-первых, “самопрельщение” (1 Сол., 2, 3), а во-вторых, “обманывание и обольщение других” (Мтф., 27, 64; 4, 14), поэтому, заявив представителю свиты Воланда (Дьявола) своё твёрдое “Я не прелесть”, гражданка в белых носках и белом берете (а белый цвет — это символ чистоты и святости) выказала именно православное отношение к слову “прелесть”, вызвав тем нескрываемую досаду Коровьева (“О, как жалко...”), бесовская роль которого как раз и опирается на склонность людей к самообольщениям и соблазнам.

Думая как-то об умершем писателе Петре Проскурине, я полез в первый номер журнала «Слово» за 2001 год и перечитал опубликованный там его рассказ «Мужчины белых ночей», в котором главный герой мучительно размышляет над тем, что произошло за последние годы с Россией и что можно в этой ситуации сделать для её спасения. «Я больше ничему не верю, — говорит он, ведя мысленный разговор со своим погибшим другом, — ни в народ, ни в совесть, ни в Бога. Русский человек оскотинился до маразма. Слепой кутёнок, тычется из стороны в сторону, и ни шага вперёд. Сам себе выбирает палачей, сам подставляет горло... души, режь, володей телом, я — тварь бессловесная, плесень на земле. Появилась и бесследно исчезла...»

Я много думаю над тем, что же можно противопоставить наблюдаемому ныне в стране нашествию цинизма и безнравственности, чем остановить разгул криминала и беззакония. Я понимаю, что причиной

всего этого и вправду является наше собственное бездействие, однако, когда я перечитал в рассказе Проскурина то место, где его герой взрывает лесной дом отдыха вместе с «оттягивающимся» там губернатором и громадным числом обслуги в виде поваров, слуг и девочек для сауны, то я почувствовал в душе определённое сопротивление. Да, мне хочется, чтобы русский народ наконец-то очнулся от духовной спячки и сказал «нет» торжеству беззакония, но только не таким способом. Ведь на эту тему уже написано множество романов Анатолием Афанасьевым, но когда его герои начинают бороться с бандитами *ТЕМИ ЖЕ МЕТОДАМИ*, которыми те терроризируют облюбованные ими городки, то они фактически тут же превращаются в *ИХ ЖЕ ПОДОБИЯ*. Иными словами — ни в коем случае нельзя уподобляться тому, против кого ты воюешь, ведь дьявол-то как раз и любит менять всё и всех местами и запутывать. Не случайно же в финальной сцене рассказа появляются интонации, очень сильно напоминающие интонации бугаковского романа «Мастер и Маргарита» — в том месте, где Воланд допрашивает кота Бегемота и Коровьева о причинах пожара в Доме Грибоедова:

«Оба, и Коровьев, и Бегемот, развели руками, подняли глаза к небу, а Бегемот вскричал:

— Не постигаю! Сидели мирно, совершенно тихо, закусывали...

— И вдруг — трах, трах! — подхватил Коровьев, — выстрелы! Обезумев от страха, мы с Бегемотом кинулись бежать на бульвар, преследователи за нами, мы кинулись к Тимирязеву!

— Но чувство долга, —ступил Бегемот, — побороло наш постыдный страх, и мы вернулись!

— Ах, вы вернулись? — сказал Воланд. — Ну, конечно, тогда здание сгорело **дотла**.

— **Дотла!** — горестно подтвердил Коровьев. — То есть буквально, мессир, **дотла**, как вы изволили метко выразиться. Одни **головешки!** <...> Ничего невозможно было унести из зала, пламя ударило мне в лицо. Я побежал в кладовку, спас сёмгу. Я побежал в кухню, спас халат. Я считаю, мессир, я сделал всё, что мог...

— Ах, если так, то, конечно, придётся строить новое здание.

— Оно будет построено, мессир, — отозвался Коровьев...»

А вот, для сравнения, разговор главного героя рассказа Проскурина — капитана Никонова (как раз и устроившего взрыв и пожар лесного притона) — со своим шефом:

«... Что там у вас происходит? Ты, Никонов, не тяни **кота** за хвост!

— Не хотел тревожить вас среди ночи, шеф, пожар, — сказал Никонов. — Большой дом уже догорает, чудеса... Словно языком слизнуло. Озеро из белого, молочного окрасилось розовым...

— К чёрту! — откровенно теряя контроль над собой, сорвался Валериан Денисович. — Ты пьян, что ли? Ах, негодяй...

— Шеф, моё дело охрана, а что там внутри случилось, никто не знает, — сказал Никонов. — Но дом действительно догорает. Какой-то чудовищно мгновенный пожар...

— Ты думаешь, сгорит всё **дотла**? — опечалился Валериан Денисович и даже вздохнул.

— Абсолютно всё, такой огонь ничего не помилует, может, только какую **черепушку**...»

Я думаю, в литературе не бывает случайных совпадений, и даже если сам Проскурин никаких постмодернистских перемигиваний между двумя этими текстами и не устраивал, то существуют некие тайные законы искусства, по которым темы (или даже сцены), имеющие между собой, так сказать, *перекличку внутреннего характера*, непременно окажутся близкими друг другу и по своей стилистике, и по использованным образам, и по задействованным в этой сцене деталям. Отсюда, помимо общего сходства двух этих эпизодов между собой, и там, и там имеет место образ *КОТА* (в фразе «не тяни кота за хвост» — у Проскурина, и в

образе кота Бегмота — у Булгакова); упоминание *НЕЧИСТИ* (в выражении «к чёрту!» — в тексте у Проскурина, и в образах беса Коровьева и князя тьмы Воланда — у Булгакова); а также сгорающие в обоих случаях **ДОТЛА** здания, от которых не остаётся ничего, кроме «головешек» (у Булгакова) да «черепушек» (у Проскурина), а также ряд других сходных моментов. Думаю, что всё это не может не подтолкнуть нас к мысли о том, что за обеими этими сценами стоит одна и та же сила — помните? — «что хочет зла, но вечно совершает благо». И в этом — таится ключ к пониманию заблуждений обоих авторов. Я говорю «заблуждений», потому что не может сила, жаждущая творить ЗЛО, принести людям хотя бы какое-нибудь минимальное **ДОБРО**. А потому и путь, указанный Петром Проскуриным в рассказе «Мужчины белых ночей», не в состоянии принести с собой ничего, кроме новой крови и горя, тогда как Россию сегодня если что и спасёт, то только — любовь и молитва...

* * *

Несколько лет тому назад в правлении Союза писателей России состоялось обсуждение новой повести (ещё живого тогда) Валентина Распутина «Дочь Ивана, мать Ивана», опубликованной в одном из номеров журнала «Наш современник». Патриотические литературные и читательские круги давно ждали слово Валентина Григорьевича, выступавшего последнее время и редко, и какими-то небольшими произведениями — публицистическими статьями или рассказиками. И вот, наконец-то — полновесная художественная повесть.

Первое, чего нельзя не заметить в новом произведении Распутина — это откровенной сюжетной переклички с нашумевшим не так давно фильмом Станислава Говорухина «Ворошиловский стрелок», в котором трое отморожков насилуют чистую и невинную школьницу, а затем преспокойно откупаются от суда и продолжают на глазах у всего городка свои циничные пиршества. Видя бездействие и бессилие нашего правосудия, дед оскорблённой девушки покупает на чёрном рынке снайперскую винтовку, и сам выносит приговор подонкам.

Примерно то же происходит и в повести Валентина Распутина, только здесь за поруганную честь дочери мстит мать, которая изготавливает из ружья обрез и, видя, как суд собирается отпустить насильника на свободу, осуществляет над ним заслуженную кару. Однако, как это всегда и бывает у Распутина, повесть его растекается гораздо шире обозначенного сюжета и заставляет думать не только о сути произошедшего с героиней, но и о том, что происходит со всем русским народом. Ведь если в фильме Говорухина всё чётко поделено на «чёрное» и «белое», то в повести Распутина всё уже далеко не так просто и однозначно. Да, его Светка подверглась грубому насилию со стороны азербайджанского торговца, но ведь незадолго до этого она сама бросила школу и, окончив какие-то курсы, пыталась устроиться работать на рынок. Она ведь и со своим насильником поехала с той целью, чтобы он её устроил на работу к своему брату. И что — она или её мать не понимали, что рано или поздно ей придётся лечь под кого-нибудь из кавказцев, как это делают чуть ли не все работающие на наших рынках женщины, боящиеся потерять своё место на лотке или в палатке? Ведь практически все российские рынки уже давно и прочно принадлежат «лицам кавказской национальности», которые осознают себя на нашей земле *ХОЗЯЕВАМИ*, однако до тех пор, пока беда не коснётся кого-нибудь из нас *ЛИЧНО*, никто их не стреляет... В том-то и заключается принципиальная разница между фильмом Говорухина и повестью Распутина, что насилие в «Ворошиловском стрелке» носит, так сказать, *РАЗОВЫЙ* характер — обладание девушкой необходимо пьяным подонкам только сейчас, *В ДАННЫЙ МОМЕНТ*, и после удовлетворения своих животных потребностей она им становится абсолютно без надобности, тогда как изнасиловавший Светку азербайджанец в повести «Дочь Ивана, мать Ивана» и не думает её утром

отпускать, требуя, чтобы она родила ему сына, и вообще, относясь к ней уже как к **СВОЕЙ СОБСТВЕННОСТИ**. Это и есть, наверное, самая характерная черта, которую подметил в сегодняшних «хозяевах жизни» В.Г. Распутин: всё, к чему прикасается грязная лапа торгаша, превращается в его **СОБСТВЕННОСТЬ** — рынок, женщина, власть, Россия...

Надо заметить, что в повести Валентина Григорьевича вообще очень много символики. Символично уже само её название — «Дочь Ивана, мать Ивана», восходящее к тому же принципу, который мы видим и в приводимом евангелистом Матфеем родословии Иисуса Христа: «Авраам родил Исаака; Исаак родил Иакова; Иаков родил Иуду и братьев его», — и так далее. Стремление вписать героев своего повествования в хронологию **БОЛЬШОЙ ИСТОРИИ** — черта, характерная как для авторов Библии, так и для древнерусских летописцев, и, давая своей повести название «Дочь Ивана, мать Ивана», Валентин Распутин как раз и пытается показать этим неразрывную цепь продолжения человеческого рода, непрерывный процесс бытия и одновременно с этим — роль своей героини в этом процессе.

Затем: необычайно жаркий весенний день в повести Распутина не может не напомнить нам собой другой необычайно жаркий весенний день, описанный в романе Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» — и эта перекличка, подчёркивание этой **НЕОБЫКНОВЕННОЙ** жары, её акцентирование обоими писателями кажется отнюдь не случайностью, так как **ЖАР** — это не что иное, как символ **АДА**, и авторы как бы сразу настраивают нас на то, что впереди нас ожидает встреча с представителями именно этого inferнального места. И действительно — то, что случается далее, ничем иным, как бесовщиной, назвать нельзя, причём это касается не только событий романа Булгакова, но и того, что совершается в повести Распутина. Разве надругательство над **ЧИСТОТОЙ** — это не есть дело рук беса?..

Самое страшное в повести Валентина Распутина — то, что мы должны быть чуть ли не благодарны насильнику Светланы, так как только прямое надругательство над девочкой оказалось способным разбудить в её матери (да и в нас самих) чувство протеста против засилья чужеземцев в России и попрапия ими всех основ нашей жизни. Если бы этого не случилось, все так бы и продолжали спать, терпя воцарение кавказцев...

Прочитал журнал «Наш современник» с поэмой Юрия Кузнецова «Существование в ад», многие эпизоды которой подарили мне настоящее эстетическое наслаждение, как, например, строки: *«То не тенец выпадал из гнезда родового, / то не мертвец поднимался из сна гробового — / это разбойник явился — ни ночь и ни день, / пала в долину его теловидная тень. / Глянул Господь на него и промолвил сурово: / — Встань и держись Моего обещанья и слова, / да не побойся грядущих судеб и утрат. / Рай недалёк. Но дорога пойдёт через Ад»*, или же такие как: *«Руки разбойник простёр, как моряк с корабля, / и возгласил первозданное слово: — Земля! — / Молвил Сын Божий, как истина ветхая днями: / — Это подобье. Земля у тебя под ногтями. / Глянул разбойник на грязные ногти свои / и зарыдал, и взалкал чистоты и любви...»*

Однако рядом с чисто поэтической красотой и стройностью, поэма Ю. Кузнецова то и дело срывается в самую что ни на есть откровенную ересь, выдавая в авторе закоренелого материалиста, не понимающего, что перед Богом находится не сам разбойник, а только его **ДУША**, и, стало быть, откуда же у нематериальной сущности может быть «земля под ногтями»?..

Аналогичное недоумение вызывают сцены, в которых Господь ходит по Аду и задаёт всем встречным вопрос: «Где Сатана?», — как будто бы с Богом можно играть в прятки, спрятавшись от Него за сундуком или печкой! Здесь в поэте снова говорит материалист, не признающий Го-

споднего *ВСЕВЕДЕНИЯ* и того факта, что Ему не надо никого ни о чём спрашивать, ибо Ему ведомо не только то, кто где находится, но и, как говорится в молитвах, «и вся несодаянная нами» открыта.

Весьма пародийно, на мой взгляд, выглядит картина возвращения головы Иоанну Крестителю, напоминающая аналогичную сценку с возвращением оторванной котом Бегемотом головы конферансье Жоржу Бенгальскому, происходящую в романе Булгакова «Мастер и Маргарита». Помните? — *«Кот, прицелившись поаккуратнее, нахлобучил голову на шею, и она точно села на своё место, как будто никуда и не отлучалась. И главное, даже шрама на шее никакого не осталось. Кот лапами обмахнул фрак Бенгальского и пластрон, и с них исчезли следы крови...»* Почти то же самое происходит и в поэме Кузнецова, где Господь встречает идущего с головой под мышкой (!) Иоанна и спрашивает его (опять — спрашивает; опять, *ЗНАЯ ВСЁ*, зачем-то задаёт ему нелепый да ещё и с явной долей иронии вопрос): *«Иоанн, что случилось с тобой? / Голову ты обронил, как скупец — золотой».* (Как будто бы Он не знает, что Иоанн лишился головы из-за проповеди Его же пришествия! Получается, что Господь просто пытается красоваться перед сопровождающим Его по Аду Юрием Кузнецовым Своим остроумием...) Выслушав ответ Предтечи о том, как его обезглавили по требованию Саломеи (при этом рассказ сопровождается такими подробностями, как сообщение о том, что блудница «обстрекала» голову пророка менструацией, из-за чего теперь та не пристаёт к костяку), Христос делает почти то же, что и кот Бегемот в романе Булгакова, а именно: *«Глянул на голову Бог и во имя Своё / взял и поставил на прежнее место её. / И приросла голова, и, ни мало, ни много, / встретились вровень два взора: пророка и Бога...»*